

Е. П. Островская

К 200-летию Азиатского музея (1818) – Института восточных рукописей РАН

Статья посвящена истории Азиатского музея (ныне – Институт восточных рукописей РАН), одного из крупнейших мировых центров коллекционирования рукописного наследия народов Востока. Автор характеризует источники формирования коллекций и структуру музея. особое внимание уделяется Архиву востоковедов как информационному ресурсу исследований истории российской ориенталистики. Отмечается специфика выставочной деятельности, начавшейся в XX в. Показано, что Институт восточных рукописей РАН как правопреемник Азиатского музея Императорской Академии наук аккумулировал в своих фондах около 100 тыс. манускриптов и ксилографов на 60 восточных языках. В библиотеке института содержится более 1 млн книг на восточных языках. Архив востоковедов включает 134 персональных фонда. Научная деятельность института направлена на исследование истории письменной культуры стран Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего и Среднего Востока и истории ориенталистики. Результаты этих исследований публикуются в журнале «Письменные памятники Востока».

Ключевые слова: восточные рукописи, Азиатский музей, Императорская Академия наук, архив востоковедов, Институт востоковедения АН СССР, Институт восточных рукописей РАН, ориенталистика

Elena P. Ostrovskaya

200th anniversary of Asiatic Museum (1818) – Institute of Oriental Manuscripts RAS

The subject of the article is the Asiatic Museum – the Institute of Oriental Manuscripts RAS (IOM) that has one of the largest world collections of Oriental manuscripts. The author describes the sources of the collection and the structure of the Museum with special interest to the Orientalists' Archive as a resource for the investigation into the history of Oriental studies in Russia and the exhibitions that were organized by the Museum during 20th century. The IOM RAS as a successor of the Asiatic Museum of the Imperial Academy of sciences accumulated more than 100 thousand manuscripts and xylographs in 60 Asian languages. The IOM RAS library keeps more than 1 million books in Eastern languages. The Orientalists' Archive comprises 134 personal dossiers. The subject of the studies in the IOM RAS is the history of manuscript culture of Asia and the Pacific region, Near and Middle East and the history of Oriental studies. The results of these studies are published in the «Written Monuments of the Orient» journal.

Keywords: Oriental written heritage, Asiatic Museum, Imperial Academy of Sciences, Orientalists' Archive, Institute of Oriental Studies of USSR AS, Institute of Oriental Manuscripts RAS, Oriental Studies
DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-112-118

В ноябре 2018 г. исполнилось 200 лет со времени основания старейшего отечественного центра коллекционирования рукописного наследия народов Востока – Азиатского музея Императорской Академии наук (ныне – Институт восточных рукописей РАН (Азиатский музей). Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 18). За два века своего существования музей превратился в один из крупнейших мировых очагов ориентальной манускриптологии, ведущий обширную выставочную деятельность за рубежами России, научно-исследовательскую и научно-просветительную работу. Цель настоящей статьи, непосредственно связанной с юбилейной датой, – привлечь внимание культурологов-музеевдов к проблеме изучения истории Азиатского музея и его роли в развитии научного познания культур зарубежного и российского Востока.

Начало целенаправленного собирания восточных коллекций было положено в России указом государя Петра Великого, и именно Санкт-Петербургская Кунсткамера стала первичным центром накопления азиатских раритетов. В 1724 г. Кунсткамера вошла в состав Императорской Академии наук, что в значительной степени оживило собирательскую деятельность и послужило стимулом к развитию музейной работы с находками.

Источниками пополнения восточных коллекций Кунсткамеры первоначально выступали частные собрания государственных чиновников – губернаторов Сибири Ф. А. Головина и А. И. Черкасского, дипломата Л. Ланга, исследователя-путешественника П. С. Палласа [1, с. 450–451]. На раннем этапе музеефикации восточные редкости, поступавшие в Кунсткамеру, не дифференцировались, и большое разнообразие экс-

понатов, включавшее монеты, археологические артефакты, рукописи, составляло единый фонд.

Уже в начале XIX в. экспонирование этого фонда сделалось трудноразрешимой проблемой без специально подготовленных кадров, знакомых с восточными языками и историей культуры народов Востока. С учетом этого обстоятельства распоряжением президента Российской Академии наук С. С. Уварова от 11 ноября 1818 г. и было создано первое самостоятельное востоковедное подразделение в составе Кунсткамеры – Восточный кабинет под началом акад. Х. Д. Френа. Но вскоре, в том же году, статус этого подразделения по требованию его руководителя изменился. Френ полагал, что масштаб «кабинета» не соответствует богатству собранных раритетов и содействовал превращению его в Азиатский музей [1, с. 455].

В конце 1810-х гг. началась научная обработка накопленного материала. Согласно первому каталогу, подготовленному по поручению С. С. Уварова переводчиками Государственной коллегии иностранных дел П. Каменским и С. Липовцевым, в Азиатском музее числилось 279 наименований «китайских книг», 29 «японских экспонатов», а «разных костей и картин – 16» [1, с. 457].

Ближе к середине XIX в. Азиатский музей приобрел свою первоначальную структуру: в отдельные хранилища были выделены библиотека, собрание манускриптов, в том числе на европейских языках, старопечатные (ксилографические) издания, собрание монет, предметы материальной и художественной культуры. В 1837 г. коллекции этнографического характера были выведены из состава Азиатского музея, и его хранительский профиль отчетливо связался с письменной культурой народов Востока. Собрание рукописей на европейских языках получило статус самостоятельного структурного подразделения музея.

В сопоставлении с другими музеями Императорской Академии наук – Зоологическим, Ботаническим, Минералогическим – выставочная функция Азиатского музея почти не развивалась, ибо рукописи и ксилографы представляли в то время интерес лишь для очень узкого круга специалистов. Для сравнения отметим следующее: Зоологический музей с 1838 г. был открыт для посетителей, в том числе для студентов и учащихся, один раз в неделю круглогодично. Иностранные посетители и «особо интересующиеся лица» могли ознакомиться с коллекциями не только во впускные дни. В среднем, как показывает статистика посещений за 1864 г., во впускной день музей обслуживал 262 посетителя, а всего за год – 13 369 [2, с. 18]. Экспонаты Зоологического музея, представлявшие фауну

России и удаленных экзотических стран, привлекали не только учащуюся молодежь, но и широкую публику. Иначе обстояло дело с Азиатским музеем – в тот период он в основном обслуживал членов Российской Академии наук и функционировал наподобие библиотеки, предоставлявшей книги и рукописи для исследовательской работы на дому и в читальном зале.

Музейные работники занимались изучением новых поступлений, в частности, составлением каталогов, которые фиксировались в специальных шнуровых книгах. Ежегодно проводилась ревизия фондов, завершавшаяся докладом о результатах на заседании Историко-филологического отделения Российской Академии наук. Такой порядок сохранялся в течение длительного исторического периода, ибо определявший его регламент, принятый в 1886 г., действовал, по крайней мере, до 1907 г.

Важно отметить, что каталогизация рукописей, ксилографов и книжных поступлений из стран Азии требовала значительного времени, так как атрибутирование этих материалов представляло собой зачастую очень сложную исследовательскую проблему. Кроме того, коллекции пополнялись весьма и весьма интенсивно. И хотя штат Азиатского музея был укомплектован компетентными научными кадрами (в функции хранителей выступали даже академики), знатоков азиатских языков и культур явно не хватало для обеспечения необходимой работы с разноязычными и многоязычными новыми поступлениями.

История формирования коллекции Азиатского музея до сих пор не является окончательно изученной. Эта область исследований представляет обширное поле деятельности для культурологов и музееведов. После передачи части собрания Кунсткамеры в Азиатский музей дальнейшее пополнение его фондов осуществлялось благодаря собирательской деятельности российских востоковедов в странах Азии. Так, в 1830 г. Азиатский музей принял японскую коллекцию П. Л. Шиллинга, в 1832 г. – коллекцию, собранную китаеведом М. В. Ладыженским. В 1835–1843 гг. в фонды музея от упомянутого выше П. Каменского поступили тибетские и китайские письменные памятники. П. Л. Шиллинг в 1835–1838 гг. сделал еще один дар – 2600 единиц рукописей на китайском, монгольском, маньчжурском, тибетском языках.

Азиатский музей был заинтересован не только в собирании раритетов письменной культуры зарубежного Востока, но и в изучении истории письменных традиций восточных этносов, вошедших в состав России. В этой перспективе в 1847 г. в фонды музея была принята

коллекция грузинских рукописей от кн. Теймураза Багратиони.

Пополнялся и Архив востоковедов – к концу XIX в. в его фонды вошли материалы, предоставленные академиками Б. А. Дорном, В. А. Радловым, А. М. Позднеевым, И. Н. Березиным [3, с. 6].

Кроме того, коллекции поступали и от учреждений, связанных по роду своей деятельности с зарубежным Востоком, в частности, от Императорского Русского географического общества и от Министерства иностранных дел.

Русское Географическое общество, образованное в 1845 г., являлось одним из старейших в мире и пользовалось значительным международным авторитетом. Среди многочисленных его проектов важная роль отводилась экспедициям в страны Азии, поскольку такие путешествия обеспечивали не только научные, но и геостратегические интересы России. Финансировались подобные проекты не из средств, полученных в качестве членских взносов, а из императорских и корпоративных пожертвований, правительственных дотаций. Это позволяло приобретать в ходе экспедиций различные восточные раритеты, и в том числе рукописи, ксилографы, старопечатные книги.

Экспедиции Русского Географического общества в Центральную Азию, предпринятые на рубеже XIX–XX в., оказались чрезвычайно плодотворными для пополнения рукописного фонда Азиатского музея. В этой связи необходимо прежде всего упомянуть экспедиции М. В. Певцова – 1889–1890 гг., Г. Н. Потанина – 1884–1885 гг., В. И. Роборовского – 1893–1895 гг., П. К. Козлова – 1883 г., Д. А. Клеменца – 1898 г.

В 1903 г. была создана еще одна организация, обслуживавшая геостратегические интересы Российской империи, – Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии. В перечне заявленных целей данной организации значилось сохранение и исследование памятников духовной культуры Востока. Осуществленные под эгидой Русского комитета экспедиции М. М. Березовского в Кучу (1905–1907 гг.), А. И. Кохановского в Турфан (1905–1907 гг.), монголо-сычуаньская экспедиция П. К. Козлова (1909 г.), две масштабные экспедиции С. Ф. Ольденбурга – в Восточный Туркестан (1909–1910 гг.) и в Дуньхуан (1914–1915 гг.) в значительной степени обогатили фонды Азиатского музея рукописями и ксилографами. Подробное описание всех этих экспедиционных проектов дано в сборнике статей, опубликованном в 2008 г. к 190-летию Азиатского музея [4].

Один из наиболее масштабных вкладов (около 5000 единиц) в собрание рукописей и ксилографов был сделан именно П. К. Козло-

вым, профессиональным путешественником, начинавшим свою деятельность в качестве ученика крупнейшего исследователя Центральной Азии Н. М. Пржевальского. Это были находки, обнаруженные при раскопках мертвого города Хара-Хото. Коллекция Козлова послужила стимулом к началу исследований культуры тангутов – народа, ушедшего в далекое историческое прошлое, развитию отечественного и мирового тангутоведения.

Работники российских зарубежных учреждений также сыграли немаловажную роль в пополнении этих фондов. Примером тому может служить история коллекции Л. Ф. Богданова, который по окончании факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета был направлен в Тегеран для работы в Русско-Персидском банке. За время пребывания на зарубежной государственной службе он собрал 50 единиц рукописей и, возвратившись на Родину, предложил свою коллекцию Российской Академии наук на предмет приобретения для Азиатского музея. Экспертная комиссия рассмотрела вопрос о культурно-исторической ценности этого уникального частного собрания, и в итоге Историко-филологическое отделение Академии, которому непосредственно подчинялся Азиатский музей, приняло решение о его приобретении. Как и большинству российских государственных служащих, стремившихся содействовать развитию отечественной науки, Богданову было свойственно бескорыстие – он просил лишь возместить ему расходы на покупку раритетов и доставку коллекции в Россию, но ни в коей мере не претендовал обогатиться за счет продажи самих манускриптов [5, с. 799].

В начале 1900-х гг. процесс накопления рукописей, ксилографов и иных материалов в фондах Азиатского музея интенсифицировался как по частоте поступлений, так и по их масштабности. В 1901–1904 гг. музей принял рукописи, привезенные В. В. Бартольдом из российской Средней Азии, а также целый ряд ценнейших материалов, переданных Русским комитетом. В 1907–1909 гг. значительно пополнилась индийское собрание музея, включавшее манускрипты из Южной и Юго-Восточной Азии.

После Октябрьской революции 1917 г. в связи с расформированием прежних государственно-административных учреждений появились новые источники пополнения фондов Азиатского музея. В 1918 г. туда были переданы рукописное собрание Учебного отдела царского МИДа и коллекция арабских манускриптов из библиотеки Зимнего дворца.

В процессе укрепления внешнеполитического статуса Советской России в Академии наук

восстановился и временно приостановленный международный научный обмен. Это позволило отечественным ученым снова приступить к сбору рукописей для Азиатского музея за рубежами страны. В План научных экспедиций Академии наук на 1924–1925 гг. Азиатский музей поставил годичную командировку в Персию своего научного сотрудника Ю. Н. Марра для изучения книжного рынка, частных и государственных рукописных собраний для последующего приобретения раритетов, представляющих музейный интерес. Командируемый был снабжен документами, удостоверяющими его миссию, и обращением Академии наук к научным и государственным учреждениям Персии и Полномочному представительству СССР в этой стране с просьбой о содействии [6, с. 291].

В данной связи необходимо особо подчеркнуть личную роль Полномочного представителя СССР в Персии К. К. Юренева в деле пополнения фондов Азиатского музея. Именно в результате его активного содействия музей в 1925 г. получил уникальные собрания персидских и арабских рукописей. Об этом свидетельствует направленное в адрес Юренева благодарственное письмо от имени Академии наук, подписанное С. Ф. Ольденбургем как директором Азиатского музея [6, с. 307]. Однако до сих пор остается невыясненным вопрос, какое участие в приобретении этого собрания принял Ю. Н. Марр.

Целенаправленные усилия руководства АН СССР позволили превратить Азиатский музей в одно из наиболее представительных древлехранилищ Европы, сконцентрировавшее в своих фондах разнообразные и во многих случаях уникальные письменные памятники Востока. В 1930 г. в ходе реформирования востоковедных академических учреждений Азиатский музей вошел в состав новой научно-исследовательской организации – Института востоковедения АН СССР (далее – ИВ АН СССР). К тому времени его фонды насчитывали 30 000 единиц хранения. К середине 1950-х гг. в фондах института было сосредоточено более 70 000 единиц хранения – рукописей, ксилографов, литографий, старопечатных книг и документов на языках народов Востока.

Дальнейшая история музея тесно связана с развитием востоковедных исследований в области истории азиатских обществ, общественной мысли, государственности. В 1956 г. ИВ АН СССР был переведен в Москву, а в Ленинграде осталось лишь одно его структурное подразделение – Сектор восточных рукописей (музей), включавший в свой состав древлехранилище, библиотеку книг на восточных языках

и европейских трудов о Востоке, а также Архив востоковедов. Однако к 100-летию Азиатского музея это подразделение уже представляло собой центр изучения истории и культуры стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии и называлось Ленинградским отделением ИВ АН СССР. В 1991 г. учреждение было переименовано в Санкт-Петербургский филиал ИВ РАН, а в 2007 г. получило статус юридически автономной организации – Институт восточных рукописей РАН. Благодаря инициативе директора института И. Ф. Поповой, авторитетного китаеведа-манускриптолога, в 2017 г. в название учреждения было включено его историческое наименование – Институт восточных рукописей РАН (Азиатский музей). В настоящее время в фондах института хранится около 100 тысяч рукописей и ксилографов на 60 восточных языках, в библиотеке насчитывается более миллиона книг, а Архив востоковедов включает 134 персональных фонда и обширные материалы по истории изучения стран Востока.

Хочется еще раз подчеркнуть, что история развития этого музейного собрания требует углубленного изучения, так как многие важные сведения сделались доступными лишь в последнее десятилетие XX в. Большой интерес представляют, в частности, география пополнения фондов, проекты экспедиций, обогативших своими находками конкретные востоковедные дисциплины – арабистику, тибетологию, инданистику и др.

Архив востоковедов является наряду с собраниями письменных памятников ценнейшим уникальным фондом Азиатского музея, и поэтому необходимо хотя бы вкратце сказать об истории его формирования.

Первоначально авторские рукописные труды на европейских языках, созданные исследователями Востока, накапливались в Библиотеке Академии наук и в Конференц-архиве. В 1819 г. по инициативе Х. Д. Френа, первого директора Азиатского музея, и с разрешения Императорской Академии наук для последующей передачи в музей из ее архива и библиотеки были выделены самостоятельные фонды документов, тематически связанные с Востоком. Эти первые поступления включали документы, касающиеся деятельности востоковедов – действительных членов Академии, неопубликованные работы, материалы экспедиций в азиатские регионы Российской империи и страны зарубежного Востока, а также словари языков народов Азии.

В 1829 г. П. Л. Шиллинг передал в музей приобретенные им в Берлине материалы перепи-

ски Католической миссии в Китае с Российской академией наук. В дальнейшем пополнение архивного собрания Азиатского музея осуществлялось при содействии Санкт-Петербургского университета, царского МИДа и других организаций и ведомств.

Годовые отчеты Российской академии наук той поры сохранили сведения о новых поступлениях, так как Азиатский музей ежегодно отчитывался о всех аспектах своей деятельности, в том числе и о пополнении архива. В 1874 г. практика сбора архивных материалов обрела институциональное оформление – в составе Азиатского музея было образовано «Отделение европейских рукописей». Как и хранилище восточных манускриптов, оно испытывало острый дефицит в кадрах, адекватных по своей квалификации задачам научной обработки фондов и систематизации материалов. Основную деятельность в этом направлении долгое время единолично осуществлял К. Г. Залеман, библиотекарь Академии, а впоследствии, в 1890–1916 гг., – директор Азиатского музея. Начиная с 1875 г. он составлял справочную картотеку архивных поступлений.

На рубеже XIX–XX в. архив пополнялся столь же интенсивно, сколь и рукописные фонды. Материалы приобретались за денежные вознаграждения или передавались в дар. Так, в 1896 г. у вдовы проф. И. Н. Березина были выкуплены рукописи его экспедиционных дневников. В 1901 г. музей приобрел неопубликованные рукописи трудов по буддизму китаеведа акад. В. П. Васильева. В это же время по завещанию Э. В. Бретшнейдера музею безвозмездно отошли его рукописи.

В числе учреждений, во многом способствовавших формированию архива, видное место занимал Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии. Регулярность и многочисленность поступлений, предоставленных этой организацией, нашли свое отражение в специальном документе – «Книге для записывания пожертвований от Русского комитета...» [7, с. 9]. В составе таких поступлений оказались ценнейшие фонды – Б. Б. Барадийна, Ц. Ж. Жамцарано, А. В. Бурдукова и других исследователей языков и культуры Центральной Азии.

Министерство иностранных дел передало в дар от Российской дипломатической миссии в Пекине подборку переводов из китайской прессы 1906–1916 гг. в количестве более 7000 единиц.

В 1918 г. собрание факсимильных восточных трудов и материалов на европейских языках получило наименование «Азиатский архив». С. Ф. Ольденбург, бывший в то время директором Азиатского музея, инициировал первую попытку научного описания фондов данного архива. Для

выполнения этого проекта он привлек лучшие востоковедные силы: учеников К. Г. Залемана – ираниста Ф. А. Розенберга и тюрколога А. А. Фреймана, арабиста И. Ю. Крачковского и др.

С. Ф. Ольденбург, будучи крупным организатором науки, придавал работе с архивными материалами большое значение, правомерно усматривая в них перспективную источниковую основу для изучения истории российского востоковедения. Однако эта работа не затронула всех фондов, так как привлеченные к этой работе ученые обследовали и систематизировали лишь те фонды, которые соответствовали их собственным востоковедным специализациям.

В советский период поступление в Азиатский архив новых материалов отнюдь не прекратилось. В 1921 г. его фонды пополнились значительным количеством документов, переданных из Пушкинского Дома. Среди них оказались дневники путешествия в Персию русского посольства во главе с генералом А. П. Ермоловым, материалы журнала «Русская старина», характеризующие историю развития контактов России со странами Азии, личные рукописи А. П. Берже, председателя Кавказской археографической комиссии [7, с. 12].

При создании Института востоковедения АН СССР Азиатский архив стал его структурным подразделением. Новый статус архива должен был, по замыслу С. Ф. Ольденбурга, способствовать ускорению научной обработки его фондов. Но поскольку единая система учета материалов в то время еще не сложилась, осуществить задуманное оказалось невозможно. Архивное собрание было чрезвычайно обширным как по хронологическому охвату, так и по количеству единиц хранения. В составе архива накапливались преимущественно такие материалы, обработка которых требовала широкой культурологической эрудиции и познаний в области истории востоковедения. А это, в свою очередь, означало, что соответствующей должна была стать и система учета и научного описания фондов.

Для решения данной проблемы Архивное совещание при Президиуме АН СССР в 1933 г. произвело необходимое кадровое доукомплектование архива и включило его в состав Рукописного отдела [7, с. 14]. Тогда же была начата работа по подготовке к изданию хранящихся в архиве неопубликованных научных трудов. В 1937 г. архивное подразделение Рукописного отдела и получило новое официальное наименование – Архив востоковедов.

Современная система описания, принятая в Архиве востоковедов, подчиняется схеме обработки личных фондов, утвержденной для всех архивов РФ. Она предусматривает такие подраз-

дела личного фонда, как неопубликованные научные труды и подготовительные материалы к ним, документы, характеризующие деятельность ученого, эпистолярное наследие, мемуарные свидетельства родственников и иных лиц, контактировавших с персоналией, фотографические и иные визуальные документы.

Непрерывно пополняемый Архив востоковедов служит неисчерпаемым источником для исследования истории изучения культур Востока. Так, библиография трудов, в которых нашли свое непосредственное отражение те либо иные архивные материалы, насчитывала к 1990 г. 407 единиц [8, с. 106].

В Архиве востоковедов содержится и фонд уникальных фотодокументов. В нем имеются тематические альбомы: городские пейзажи различных азиатских регионов, природные ландшафты, этнографическая действительность. Большой познавательный интерес представляют фотоснимки, сделанные в Амурской области, Забайкалье, Средней Азии, Сибири, на Кавказе, в Поволжье. Они запечатлели этнокультурные реалии ушедших эпох.

В аспекте культурологического изучения сопредельных России стран Центральной Азии и Дальнего Востока ценнейшими визуальными источниками могут служить хранящиеся в фотоархиве снимки, сделанные русскими путешественниками А. В. Бурдуковым, П. К. Козловым, В. Л. Котовичем, Н. Н. Кротковым, А. М. Позднеевым.

Весьма интересны в историко-культурном отношении и коллекции фотодокументов Второй Русской Туркестанской экспедиции, проводившейся под руководством и при непосредственном участии С. Ф. Ольденбурга.

Уникальным достоянием Архива востоковедов являются портреты руководителей Российской Духовной миссии в Китае – деятелей православной культуры, внесших значительный вклад в развитие отечественного китаеведения. В Архив востоковедов эти портреты были переданы из личного собрания начальника XX (последней) миссии – владыки Виктора, архиепископа Китайского.

Необходимо хотя бы кратко сказать о выставочной деятельности Азиатского музея.

Вопрос об экспонировании письменного наследия Востока как о самостоятельном аспекте деятельности Азиатского музея в досоветский период, по-видимому, не ставился. Во всяком случае, какие-либо документы и надежные свидетельства об этом вплоть до настоящего времени не обнаружены.

Первое упоминание о выставках рукописей, хранившихся в Азиатском музее, содержится

в отчете АН СССР за 1925 г.: «Были устроены три выставки в связи с юбилеем: персидские миниатюры, развитие китайской книги, среднеазиатская и индийская письменность. Была выставлена и драгоценная рукопись персидского географа X в., представляющая уникум и имеющая громадное значение для исторической географии Средней Азии» [6, с. 357]. Как отмечается в цитируемом документе, все эти выставки приурочивались к юбилею Академии наук, на который съехалась международная научная общественность.

В течение последующих без малого пятидесяти лет подобные выставочные эпизоды отсутствовали. После образования Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР коллекции Азиатского музея, размещенные в Рукописном фонде, демонстрировались лишь в особых случаях – зарубежным гостям правительственного уровня из стран Азии, если это было предусмотрено регламентом их культурной программы.

Развитие экспозиционной деятельности началось только в 90-е гг. XX в. К тому времени коллекции рукописей, ксилографов, старопечатных книг и архив были объединены в рамках вновь созданного структурного подразделения ЛО ИВ АН СССР – Сектора восточных рукописей и документов. Именно на сотрудников данного подразделения и была возложена задача установления международных контактов с целью разработки проектов зарубежных выставок.

Начальная работа в этом направлении развернулась при участии известной западноевропейской галеристки – баронессы Франчески Тиссен-Борнемисса, наследной владелицы Галереи Тиссен (г. Лугано, Швейцария). Первый выставочный проект осуществлялся совместно с Государственным Эрмитажем. Этот проект получил название «Потерянная империя на Шелковом пути (буддийское искусство из Хара-Хото, X–XIII вв.)». Концепция выставки предполагала соединение в экспозиционном пространстве двух типов памятников, характеризующих буддийское культурное наследие, – иконографии, предоставленной Эрмитажем, и тибетских и тангутских рукописей из коллекций Азиатского музея.

Выставка открылась в Галерее Тиссен весной 1993 г., а затем экспонировалась в нескольких странах – в Австрии в венском Музее народного искусства, в Германии в берлинском Музее индийского искусства, на Тайване в Историческом музее Тайбей.

Небезынтересно отметить в данной связи, что номенклатура экспонатов выставки преимущественно состояла из предметов художественной культуры и рукописей, добы-

тых в ходе Монголо-Сычуаньской экспедиции П. К. Козлова.

Следующий проект был направлен на экспонирование исламского письменного и художественного наследия из коллекций Азиатского музея. Как и первый проект, разработанный при участии и финансовой поддержке Ф. Тиссен-Борнемисса, новая выставка предназначалась для ознакомления западноевропейской общественности с сокровищами культур Востока, хранящимися в фондах Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Для экспонирования были отобраны лучшие образцы мусульманской миниатюры и каллиграфии.

Выставка под названием «От Багдада до Исфахана» открылась в октябре 1994 г. в залах парижского музея Пти Пале, сотрудники которого и разработали ее концепцию и осуществили оформление. В начале 1995 г. эта экспозиция перебазировалась в Лугано, где в Галерее Тиссен она была развернута под иным названием – «Страницы совершенства. Мусульманская миниатюра и каллиграфия из коллекций Российской академии наук в Петербурге». В январе 1996 г. рукописи-путешественницы вернулись в Россию.

Параллельно осуществлялся еще один выставочный проект связанный с исламской культурой. В Зальцбурге (Австрия) экспонировались шедевры персидской каллиграфии, объединенные под общим названием «Муракка» («Альбом»).

К 190-летию Азиатского музея сотрудниками ИВР РАН в содружестве с работниками Государственного Эрмитажа была подготовлена обширная экспозиция «Пещеры тысячи Будд. Русские экспедиции на Шелковом пути», объединившая рукописные раритеты и произведения буддийской художественной культуры [9]. К 200-летию юбилею в залах Государственного Эрмитажа открылась выставка «Легенды Азиатского музея».

ИВР РАН (Азиатский музей) ведет обширную научно-исследовательскую работу в области истории письменной культуры стран Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего и Среднего Востока и истории ориенталистики. Результаты исследований публикуются в научном журнале «Письменные памятники Востока». С 2015 г. на базе института ведется деятельность Лектория, ориентированная на ознакомление молодежи и широкого круга любителей культуры Востока с сокровищами Азиатского музея.

Список литературы

1. Тихонов Д. И. Из истории Азиатского музея // Очерки по истории русского востоковедения. Москва: Наука, 1958. Т. 2. С. 449–481.

2. Брандт Ф. Ф. Зоологический и зоотомический музей // Очерк истории музеев Императорской Академии наук. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1865. 181 с.

3. Тихонов Д. И. Восточные рукописи ИВ АН СССР // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Москва; Ленинград, 1953. Т. 6. С. 5–10.

4. Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX в. / под ред. И. Ф. Поповой. Санкт-Петербург: Славия, 2008. 243 с.

5. Залеман К. Г. Список персидских рукописей Л. Ф. Богданова // Известия Императорской Академии наук. Сер. 6. 1907. Т. 1, вып. 18. С. 799–802.

6. Документы по истории Академии наук СССР, 1917–1925. Ленинград: Наука, 1986. 402 с.

7. Чугуевский Л. И. Архив востоковедов // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Москва: Наука, 1990. Т. 23, ч. 3. С. 8–14.

8. Чугуевский Л. И. К библиографии работ, связанных с описанием или публикацией материалов Архива востоковедов // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Москва: Наука, 1990. Т. 23, ч. 3. С. 77–107.

9. Пещеры тысячи Будд: российские экспедиции на Шелковом пути: кат. выст. Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. 479 с.

References

1. Tikhonov D. I. From history of Asian Museum. *Essays on history of Russian Oriental studies*. Moscow: Nauka, 1958. 2, 449–481 (in Russ.).

2. Brandt F. F. Zoological Museum. *Essay on history of museums of Imperial Academy of Sciences*. Saint Petersburg: Imp. Acad. of Sciences publ. house, 1865. 181 (in Russ.).

3. Tikhonov D. I. Oriental manuscripts in USSR Academy of Sciences Institute of Oriental Studies. *Scientific notes of USSR Academy of Sciences Institute of Oriental Studies*. Moscow; Leningrad, 1953. 6, 5–10 (in Russ.).

4. Popova I. F. (ed.) Russian expeditions to Central Asia in late 19th – early 20th century. Saint Petersburg: Slaviya, 2008. 243 (in Russ.).

5. Zaleman K. G. List of Persian manuscripts by L. F. Bogdanov. *News of Imperial Academy of Sciences*. Ser. 6. 1907. 1 (18), 799–802 (in Russ.).

6. Documents on history of USSR Academy of Sciences, 1917–1925. Leningrad: Nauka, 1986. 402 (in Russ.).

7. Chuguevskii L. I. Archive of Orientalists. *Written monuments and problems of East peoples culture history*. Moscow: Nauka, 1990. 23 (3), 8–14 (in Russ.).

8. Chuguevskii L. I. Bibliography of related to description or publication of Orientalists archive materials works. *Written monuments and problems of East peoples culture history*. Moscow: Nauka, 1990. 23 (3), 77–107 (in Russ.).

9. Caves of thousand Buddhas: Russian Silk Road expeditions: exhib. cat. Saint Petersburg: State Hermitage publ. house, 2008. 479 (in Russ.).